

УДК 341.4

**ИНСТИТУТ СОВМЕСТНЫХ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЙСТВИЙ:
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ***И.С. Лысов***Аннотация**

Институт совместных преступных действий нашел достаточно широкое применение в практике современных международных уголовных трибуналов. Обосновывая возможность применения института совместных преступных действий третьей категории, трибуналы ссылаются на институт индивидуальной уголовной ответственности и его распространенность в обычном международном праве. Однако данная позиция трибуналов представляется спорной по целому ряду оснований, среди которых – отсутствие упоминаний о совместных преступных действиях в Уставах трибуналов, произвольная трактовка трибуналами норм международного уголовного права, наконец, недостаточная распространенность соответствующих норм в обычном международном праве. Эти и другие проблемы рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: международный уголовный процесс, международные уголовные суды и трибуналы, международное право, институт совместных преступных действий, справедливый судебный процесс.

Концепция индивидуальной уголовной ответственности за деяния, нарушающие нормы международного права, не нова. Положение, закрепленное в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала об индивидуальной ответственности за преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества, отражено во множестве международных договоров, включая соглашения по международному гуманитарному праву и праву прав человека, а также в статутах международных уголовных судов и трибуналов. Данная форма уголовной ответственности использовалась для назначения наказания главным военным преступникам в Нюрнберге. Сфера применения такой ответственности была весьма обширной, охватывавшей индивидов, связанных с преступными планами или организациями, а также тех, кто действовал в соответствии с общим преступным замыслом. Как указывает А.Б. Мезяев, «аналогичная проблема стояла еще перед Нюрнбергским трибуналом. Несмотря на то что Устав трибунала предусматривал индивидуальную уголовную ответственность, было чрезвычайно важно подчеркнуть, что тягчайшие преступления, совершенные германским руководством, были результатом “общего плана или заговора”» [1, с. 155]. Статья 7 Статута Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), посвященная индивидуальной уголовной ответственности, также имеет чрезвычайно широкий спектр действия. Уголовной ответственности

подлежат лица, которые «планировали, подстрекали, приказывали, совершали или иным образом пособничали в планировании, подготовке или осуществлении» преступлений, находящихся под юрисдикцией Трибунала. Параграф 3 статьи 7 гласит: вышестоящие лица несут уголовную ответственность за преступления, совершенные их подчиненными, если они знали или должны были знать об этих преступлениях, но не смогли их предотвратить или наказать лиц, непосредственно совершивших таковые.

Понятие института совместных преступных действий (СПД) впервые возникло в решении Апелляционной палаты МТБЮ по делу Тадича. Палата нуждалась в институте преступного соучастия, который учитывал бы коллективную природу, распространенность и систематический контекст преступлений, вменяемых в вину подсудимым. Этот институт должен был помочь преодолеть затруднения, возникающие в связи с доказыванием вклада в преступную деятельность отдельных ее участников. Палата указала, что такие преступления в большинстве своем представляют собой проявления коллективной преступности, совершаются группами или лицами, действующими в соответствии с общей преступной моделью поведения. Палата, ссылаясь на прецедентное право, установившееся после Второй мировой войны, выделила три категории, или формы, СПД:

1) *базовую форму*, когда соучастники действуют в рамках «общей модели поведения» или «общего предприятия» с общим «намерением»;

2) *системную форму*, наиболее ярко проявляющуюся в так называемых «делах о создании концлагерей», когда преступления совершаются членами военных или административных органов, управляющих концлагерями на основе общего плана («общей цели»);

3) так называемую *расширенную СПД*, когда один из соучастников в действительности совершает действия, выходящие за рамки общего плана, но его или ее действия по-прежнему составляют «естественную и предвидимую часть» реализации этого плана.

Объективная сторона этой формы правонарушения характеризуется тремя составными элементами: множественностью участников, существованием общего плана или цели и соучастием обвиняемых в СПД путем «любой формы соучастия, или вклада в осуществление общей цели». В то время как объективные требования равным образом применимы во всех трех случаях, субъективные требования существенно разнятся от категории к категории. СПД 1 требует, чтобы все соучастники разделяли общий умысел, СПД 2 требует, чтобы подсудимому было известно о системе бесчеловечного обращения, а СПД 3 требует существования у подсудимого намерения а) участвовать в достижении преступной цели и б) вносить свой вклад в достижение этой цели преступной группой. Ответственность за преступление, которое не было частью общей цели, вызывает вопросы о том, было ли совершение этого преступления предвидимо, и о том, что подсудимый добровольно взял на себя такой риск.

Из текста статьи 7 Статута МТБЮ, статьи 6 Статута Международного уголовного трибунала по Руанде (МУТР) и статьи 6 Статута Специального суда по Сьерра-Леоне (СССЛ) следует, что СПД не значится среди перечисляемых в данных статьях форм уголовно-наказуемых деяний. Защита в МТБЮ сразу же

поставила вопрос о том, что у трибунала нет законных оснований для использования теории общего преступного плана (КС, § 394). Статут МТБЮ не определяет ни одну из установленных форм уголовной ответственности, но практическое правило, принятое самим Трибуналом, гласит: его трактовка должна быть «добросовестной, соответствующей обычному смыслу понятий документа, с учетом контекста в свете поставленных задач и целей» (S, § 60). Более того, учитывая фактическую роль Статутов как инструментов назначения уголовных наказаний, содержащиеся в них термины должны быть объектом применения общего принципа строгой трактовки уголовного законодательства. Этот общий принцип является составной частью Римского статута. Параграф 2 статьи 22 данного документа гласит: «Определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии. В случае двусмысленности определение толкуется в пользу лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным».

«Совершение» обычно толкуют как физическое исполнение преступления или преступного бездействия по факту нарушения уголовного закона (Т, § 188). Обыкновенное значение «планирования, подстрекательства или отдачи приказов» также очевидно. Трибунал неоднократно подчеркивал, что пособничество и участие в СПД есть два различных типа вовлечения в преступную деятельность, которая затем может быть вменена в вину (Т, § 229; К, § 772). В настоящее время участие в СПД трактуется как форма совершения преступления, что противоречит как обычному значению упомянутого понятия, так и первоначальным попыткам Апелляционной палаты по делу Тадича показать, что данная форма ответственности подпадает под действие норм параграфа 1 статьи 7, а не является некоей особой категорией.

В деле Тадича Апелляционная палата руководствовалась утверждением, приведенным в докладе Генерального секретаря ООН, о том, что индивидуальная уголовная ответственность возникает для «всех лиц, участвовавших в планировании, подготовке или осуществлении серьезных нарушений международного гуманитарного права» (R, § 54). В докладе не было указаний на ответственность за деятельность по осуществлению общего преступного замысла, а приведенный выше комментарий был сделан по поводу командной ответственности, уголовного преследования глав государств и ответственности за исполнение приказов вышестоящих лиц (R, § 55–57). Генеральный секретарь также сделал замечание о применимости Статута лишь по отношению к физическим лицам и о том, что «такие лица будут подпадать под юрисдикцию Трибунала вне зависимости от их членства в каких-либо группах» (R, § 51). Последнее относится к концепции преступных организаций или сообществ, явлению, отличному от СПД, хотя и обладающему рядом схожих с ним особенностей. Учитывая намерение Генерального секретаря в судебном порядке преследовать «всех тех, кто был вовлечен в серьезные нарушения международного гуманитарного права», Апелляционная палата сочла, что «Статут не ограничен осуществлением юрисдикции над теми, кто планировал, подстрекал, приказывал, физически осуществлял преступления или помогал и способствовал их планированию, подготовке или осуществлению» (Т, § 190). По ее мнению, Статут также

распространяет уголовную ответственность на «те виды участия в совершении преступления, которые имеют место, когда несколько лиц, объединенных общей целью, осуществляют преступную деятельность, которая впоследствии может претворяться в жизнь как их объединенными усилиями, так и отдельными лицами из этого множества» (Т, § 190). Для того чтобы полностью реализовать цель и предназначение Статута, Палата сочла необходимым рассматривать участие в СПД с позиций параграфа 1 статьи 7 (Т, § 191).

Перечисленные в тексте параграфа 1 статьи 7 Статута МТБЮ формы ответственности составляют исчерпывающий перечень. Следование принципу строгой трактовки ограничило бы уголовную ответственность теми способами участия в преступной деятельности, которые перечислены в указанной статье. В этом отношении показателен пример Международного военного трибунала для Дальнего Востока, отклонившего возможность вменения уголовной ответственности за участие в заговоре или общем преступном плане на основании формулировок статьи 5 своего Устава. В то время как Апелляционная палата по делу Тадича довольно расплывчато определила СПД как форму «участия в совершении преступлений», судебные палаты, явившиеся ее преемницами, сочли возможным пойти дальше и рассматривать СПД как «совершение».

Исключительным случаем стал отказ Судебной палаты по делу Стакича от использования института СПД в связи с тем, что это слишком существенно отклонилось бы от «традиционного» смысла «совершения» (ST, § 437–438). Палата предпочла обратиться к концепции «соучастия» для того, чтобы избежать «неверного вывода о том, что новое преступление, не предусмотренное в Статуте данного трибунала, вводится с “черного хода”» (ST, § 441). Однако Апелляционная палата не согласилась с данным объяснением и заявила, что введение в право трибунала новых форм ответственности может привести если не к замешательству, то к утере ясности по вопросу определения права, применимого сторонами по делу перед трибуналом, а также применения права судебными палатами. Чтобы избежать подобной неясности и соблюсти преемственность и единство применяемого права, Апелляционная палата должна вмешаться и определить, является ли форма ответственности, примененная Судебной палатой, соответствующей практике трибунала. «Если она будет признана несоответствующей такой практике, Апелляционная палата должна определить, могут ли факты, установленные по делу, послужить основой для применения иной, надлежащей формы ответственности, такой как СПД» (ST1, § 59).

Апелляционная палата установила, что Судебная палата «ошиблась в выборе применимой формы ответственности, избрав ту, которая не является применимой согласно праву данного трибунала», и, соответственно, рассмотрела факты по делу с точки зрения института СПД (ST1, § 62, 64–104).

Помимо расширительной трактовки Статута, Апелляционная палата по делу Тадича использовала обычное международное право, чтобы поддержать собственное заключение о том, что «международная уголовная ответственность охватывает деяния, осуществленные в коллективе, преследующем общую преступную цель» (Т, § 193).

Хотя в послевоенном уголовном праве действительно можно обнаружить некоторые формы ответственности за участие в общем преступном плане,

источники, на которые ссылается Трибунал в оправдание повсеместного использования им расширенной категории СПД, откровенно неубедительны.

Расширенная форма ответственности за участие в общем преступном плане, установленная Уставом Нюрнбергского трибунала, фактически им не применялась. Хотя положение в Правилах Контрольного совета № 10, устанавливающее уголовную ответственность для лиц, «связанных с планами или организациями», и цитировалось в ходе осуществления судебного преследования военных преступников, оно так и не было четко определено, и в настоящее время ему недостает конкретности, требуемой современным уголовным законодательством. Послевоенные источники, на которые ссылается Апелляционная палата по делу Тадича для обоснования использования ею расширенной категории СПД, представляют собой несколько не связанных между собой случаев массового насилия, рассматривавшихся военными судами. Хотя анализ случаев массового насилия, предложенный Апелляционной палатой, и включает в себя несколько предположений, кажется ясным, что суды поддержали расширительную трактовку понятия общей цели. Однако решениям военных судов недостает авторитета международных трибуналов, таких как Нюрнбергский. И хотя некоторые государства действительно использовали основания для вменения уголовной ответственности, сходные с СПД, вывод о том, что институт СПД можно считать имеющим признание в обычном международном праве, представляется нам неверным.

Апелляционная палата также упоминает два международных договора, которые она считает содержащими положения о вменении в вину участия в общем преступном плане. Как Международная конвенция по борьбе с бомбовым терроризмом, так и Римский статут Международного уголовного суда действительно поддерживают уголовную ответственность индивида за преступления, осуществленные группой лиц, действующих с общей целью. Параграф 3(d) статьи 25 Римского статута гласит: лицо должно нести уголовную ответственность и быть подвергнутым наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию суда, если данное лицо:

«Любым другим образом способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда; либо

с осознанием умысла группы совершить преступление».

Данная норма, как и параграф 3(c) статьи 2 Международной конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом, почти в одинаковых формулировках указывают, что содействие, осуществленное обвиняемым, «должно оказываться умышленно и либо в целях поддержки общего характера преступной деятельности или цели группы, или же с осознанием умысла группы совершить соответствующее преступление или преступления» [2, р. 802–803].

Нужно отметить, что в данной ситуации Римский статут явным образом разделяет ответственность за участие в общем преступном плане и ответственность за совершение, приказ, убеждение, склонение и пособничество в совершении

преступлений, то есть категории уголовной ответственности, практически идентичные тем, что установлены в Статутах трибуналов. Подпункты а–с параграфа 3 статьи 25 Римского статута, статья 2 Международной конвенции по борьбе с бомбовым терроризмом различают физическое исполнение преступления, покушение на преступление, участие в качестве сообщника, организацию и снабжение иных лиц для совершения преступления и вклад в совершение преступления через участие в группе, объединенной общей целью. Римский Статут определяет эти формы ответственности более узко, нежели обычное международное право, а трибуналы, наоборот, более широко. Отсылки трибуналов к национальному праву также часто подвергались критике, поскольку «многие национальные правовые системы не признают ответственность участников общего плана за преступления, находящиеся за рамками общей цели» [3, р. 109]. Защита в МУТР указывала, что по праву Руанды «индивид не может отвечать за действия других лиц, не одобряя этих действий напрямую или не пособничая им» (КА, § 17). Сама Апелляционная палата по делу Тадича признавала наличие некоторых затруднений в использовании расширенной категории СПД в качестве подходящего средства для вменения обвиняемым в вину серьезных преступлений (Т, р. 731).

Таким образом, назначение индивидуальной уголовной ответственности на основании участия в СПД расширенной категории не имеет бесспорных оснований как в практике послевоенных трибуналов, так и в обычном международном праве, на которое ссылаются действующие трибуналы *ad hoc*. Кроме того, ни сам институт СПД, ни участие в СПД как основание для признания подсудимого виновным никак не отражены в Уставах этих действующих трибуналов.

Summary

I.S. Lysov. The Concept of Joint Criminal Enterprise: Some Questions of Individual Criminal Responsibility.

The concept of joint criminal enterprise is widely used in the practice of modern international criminal tribunals. Justifying the possibility of the 3rd category joint criminal enterprise usage, the tribunals refer to the institution of individual criminal responsibility and its prevalence in customary international law. However, this position is disputable due to a number of reasons, such as the absence of references to joint criminal enterprise in the tribunals' statutes, arbitrary interpretation of the rules of international criminal law by the tribunals, and insufficient dissemination of the corresponding rules in customary international law. These and other problems are examined in the article.

Key words: international criminal procedure, international criminal courts and tribunals, international law, joint criminal enterprise, fair trial.

Источники

КС – Prosecutor v. Kordic and Cerkez, Case No. IT-95-14/2-T, Trial Chamber, Judgment, 26.02.2001. – URL: http://www.icty.org/x/cases/kordic_cerkez/tjug/en/kor-tj010226e.pdf, свободный.

S – Prosecutor v. Sikirica et al., Case No. IT-95-8-I, Trial Chamber, Judgment on Defense Motion to Acquit, 03.09.2001. – URL: <http://www.icty.org/x/cases/sikirica/tjug/en/010903r98bis-e.pdf>, свободный.

- T – Prosecutor v. Tadic, Case No. IT-94-1-A, Appeals Chamber, Judgment, 15.07.1999. – URL: <http://www.icty.org/x/cases/tadic/acjug/en/tad-aj990715e.pdf>, свободный.
- K – Prosecutor v. Kupreskic et al., Case No. IT-95-16-T, Trial Chamber, Judgment, 14.01.2000. – URL: <http://www.icty.org/x/cases/kupreskic/tjug/en/kup-tj000114e.pdf>, свободный.
- R – Report of the Secretary-General Pursuant to Paragraph 2 of Security Council Resolution 808. – 1993, U.N. Doc. S/25704, 3 May 1993. – URL: <http://www.unhcr.org/refworld/country,,,RESOLUTION,БИН,,3b00f21b10,0.html>, свободный.
- ST – Prosecutor v. Stakic, Case No. IT-97-24-T, Trial Chamber, Judgment, 31.07.2003. – URL: <http://www.icty.org/x/cases/stakic/tjug/en/stak-tj030731e.pdf>, свободный.
- ST1 – Prosecutor v. Stakic, Case No. IT-97-24-A, Appeals Chamber, Judgment, 22.03.2006. – URL: <http://www.icty.org/x/cases/stakic/acjug/en/sta-aj060322e.pdf>, свободный.
- KA – Prosecutor v. Karemera et al., Case No. ICTR-98-44-T // Trial Chamber III, Decision on the Preliminary Motions by the Defence Challenging Jurisdiction in Relation to Joint Criminal Enterprise, 11.05.2004. – URL: <http://unictr.org/Portals/0/Case%5CEnglish%5CKaremera%5Ctrial%5C040511.pdf>, свободный.

Литература

1. *Мезяев А.Б.* Деятельность Международного трибунала по бывшей Югославии и индивидуальная уголовная ответственность по международному гуманитарному праву // Рос. ежегодник междунар. права. Спец. выпуск 2006 г. – СПб.: Соц.-ком. фирма РОССИЯ-НЕВА, 2008. – С. 149–157.
2. *Eser A.* Individual Criminal Responsibility // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2002. – V. 1. – P. 767–948.
3. *Danner A.M., Martinez J.S.* Guilty Associations: Joint Criminal Enterprise, Command Responsibility, and the Development of International Criminal Law // California Law Rev. – 2005. – V. 93, No 1. – P. 75–169.

Поступила в редакцию
14.05.12

Лысов Илья Сергеевич – ассистент кафедры конституционного права и прав человека Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: ilialysov@gmail.com